

РУССКАЯ ВЕРТИКАЛЬ

Окончание.
Начало — на стр. 1

ИМЕДЛЕННО, как поздняя заря из сумерек, — восхождение моей Родины, восхождение России, одоление тьмы, одоление смерти, рождение нового Государства Российского. Я чувствую этот таинственный свет русского воскресения, когда русская история в своей пасхальной тайне повторяет земной путь Иисуса Христа от рождения к смерти и воскресению, к восхитительному взлёту в Фаворском свете. Верить в русскую историю — значит верить в чудесное воскресение.

Давней зимой я пошёл на рождественскую службу в сельскую церковь. Был ужасный мороз, трещали заборы, хрустел под ногами снег. В церкви было жарко, многолюдно. Горели свечи, лампады, текли кадилальные дымы. Я молился об отце, погибшем в ночь перед Рождеством. Мне казалось, он здесь, среди прихожан, среди деревенских женщин в коротких шубейках, среди долговязых мужчин с непокрытыми седыми головами. Тёмными негнущимися пальцами они осеяли себя. Я любил их всех. Любил батюшку в поношенной золотой епитрахили. Любил свечи, дымы. Любил маленькую девочку, которая бегала среди нас, взрослых. Всё начинало плавиться, плыть в слёзном тумане. И мне было чудесно. Я вернулся в мою ночную избу, положил в печь поленья. Они жарко горели, в остывшей избе становилось теплее. Я положил на стол лист бумаги и ручкой писал рассказ. Потрескивали дрова, бегали по стенам язычки огня. И вдруг среди ночи во время моих писаний под настольной лампой мелькнула бабочка. Села на лист бумаги, взорхнула, а потом вернулась и села мне на руку. Это была наша чудесная красно-коричневая крапивица. Она проснулась в нагретой избе и стала летать. Мне казалось, что это отец откликнулся на мои молитвы, принял образ бабочки и прилетел поблагодарить своего сына.

Воскрешение, как наивное детское чувство, как непрерывное молитвенное взыскание, как поэтический образ моих романов, как мощная всеобъемлющая идея, сопутствует мне на протяжении всей моей жизни.

ЛЮБОВЕ, самое малое семечко знает своё будущее, видит в себе огромное дерево, покрытое цветами, увешанное восхитительными плодами. Любый народ, даже самый малый, знает, что появился на земле неспроста, что им достигается божественный замысел, об этом замысле поются в народе песни, складываются сказки, гласят пророчества. У каждого народа есть мечта, названная или безымянная, своё будущее и своя бесконечность. Если мечта исчезает — исчезает народ. Множество исчезнувших народов — это те, у кого пропала мечта.

У русского народа есть мечта, есть бесконечность, есть вероучение о бессмертии, есть исторический опыт, говорящий о постоянном воскресении, одолении смерти, устремлённости в бесконечность.

Русские язычники, волхвы, скomorохи, слагатели волшебных сказок повествуют о "молодильных яблоках". Откуси — и ты помолодеешь, одолеешь старость. Расправятся твои морщины, и продолжай без усталости свои земные труды. Если тебя посещёт мечта, и ты, бездыханный, упадёшь с коня, тебя польют "мёртвой водой", и сомкнутся твои раны, разглядывая твои рубцы. Полюют "живой водой", и ты снова выйдешь на коня, ты — боец, богатырь, витязь. Твоя милая, умерщвлённая злыми чарами, лежит в хрустальном гробе. Но ты, её возлюбленный, любящий жених, припадаешь к ней с поцелуем. Твой поцелуй оживляет её, и она чудесно встаёт из гроба. Наши языческие пращуры мечтали о чудесном воскресении, о бессмертии, о "стране молодильных яблок".

Отцы нашей церкви, богооткровенные старцы, учили тому, как попасть в Царство Небесное, "идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь безконечная". После земных трудов и мытарств, изведав несправедливости, укусив самую большую в мире несправедливость — смерть, ты одолевашь её, попадая в мир, где нет тьмы и смерти, в райских садах под негасимым светом растут божественные цветы, созревают несказанные плоды. Великие богословы учили, что Россия — страна бессмертия, страна воскресения. Старец Филофей, что подвизался в Псковском Спасо-Елеазаровском монастыре, говорил о Москве — Третьем Риме. Два прежних Рима — те, что в Италии и Византии, — погибли, в них погасла лампада христианской веры. Но вера

эта воскресла в Третьем Риме, в Москве, на Святой Руси. Святая Русь — страна, угодная Богу, даровавшему ей бессмертие.

Патриарх Никон, основатель Новоерусалимского монастыря, того, на который я любовался с опушек моих лесов, перенёс из Палестины под Москву имена святых евангельских мст, связанных с земной жизнью Иисуса. Там есть Фавор, Голгофа, Крестный путь, гроб Господень, есть Иордан, река Истра, есть Гефсиманский сад, Геннисаретское озеро, есть Вифлеем, Капернаум. Патриарх Никон полагал, что Россия — это место Второго Пришествия. Иисус явится сюда, под Москву, в Третий Рим, и Никон готовил ему место для приземления, как готовят космодром для космического корабля. Православное сознание видело Россию Божьей землёй, домом Богородицы. Народ верил, что там, где кончается Россия, начинается Царствие Небесное, и русский народ живёт в стране райских сил, имя которым — бессмертие.

А какова была мечта советского народа, строившего бриллиантовый коммунизм? Уповала ли эта мечта на бессмертие? И был ли человек, живущий при коммунизме, бессмертным? Был ли коммунизм, одолевший царившую среди людей несправедливость, был ли он царством бессмертия? Чувствовал ли своё бессмертие человек, строящий коммунизм, или он жил для того, чтобы следующие поколения продолжали стремиться к коммунизму и передали этот завет следующим и следующим, а нынешний, живущий на земле человек, отжив своё время, превратился в горстку костяной муки и был развеян ветром истории? Сопряжён ли коммунизм с идеей бессмертия? Не являлась ли мечта советского человека ложной мечтой, в которой слова "бессмертный подвиг", "священная война" были не более чем прекрасной фигурой речи, заимствованной из прежних времён?

Кажутся несомненными утверждения: "Советский Союз — богоборческая страна", "коммунисты — святотатцы", "в коммунистическом учении нет места религиозным воззрениям". Чудовищные разорения церквей, погромы приходов, избиения духовенства. По всем городам улицы, ведущие к храмам, были переименованы в Коммунистические. Большевикские, Октябрьские, имени Розы Люксембург и Карла Либкнехта. Коммунизм стал земной религией, вытесняющей религию небесную. Земные ценности отрицали ценности небесные. Но в разорённых и осквернённых церквях, под сбитыми крестами и провалившимися куполами, среди стен, испещрённых срамными надписями, у поруганных алтарей продолжалось служение. Стоящие по всем буграм, на площадях городов, на сельских улицах, эти поруганные церкви продолжали проповедовать. Их влияние на умы людей, именовавших себя строителями коммунизма, было несомненным и таинственным. Разорённые храмы проповедовали о любви, о мученической смерти, о прощении и милосердии, о разлитой в мире боли и красоте, которая и поруганная оставалась красотой. Разрушенные церкви и монастыри, разорённые погосты воспитывали. Это была школа под открытым русским небом, в которой безмолвные голоса учили закону Божьему.

Чудесный русский поэт Николай Рубцов писал: "Не жаль мне, не жаль мне распотпанной царской короны, / Но жаль мне, но жаль мне разрушенных белых церквей". Батюшки, расстрелянные чекистами в своих приходах, распятые на царских вратах, утопленные в ямах с нечистотами, священномученики, причисленные к лику святых, в самые страшные времена войны, когда советское государство готово было исчезнуть, вымалывали у Господа русскую победу, висят, прибитые гвоздями, на золочённых створках своих царских врат.

Божественное представление о мире, о Христовой жертве, о неизбежном воскресении тайно присутствовало в сознании советского человека. И поруганные храмы продолжали служить советскому государству, вымаливали русскую победу. На "Севмаше", на великом Северодвинском заводе, строящем подводные лодки "Борей", на территории завода стоит грохочущих дымных цехов стодит небольшая церковь — всё, что осталось от огромного монастыря, который был уничтожен строителями советского завода-гиганта. Храмы и кельи были разрушены, монахи расстреляны, и вознёсся грандиозный сталинский завод.

Сегодня лоптик, оставшийся от монастыря, этот храм, восстановлен, сияет золотом, иконами, фресками. Батюшка отправляет в плавание громадные русские "Наutilus". Они уходят с завода под колокольные звоны. Экипажи могучим строем стоят на палубе, напоминая монастырскую братию. Подводные лодки уходят в мировой океан, как русские монастыри, своей подводной мощью и силой небесной спасают Государство Российское.

Я, молодой технократ, обожавший великие советские заводы, уральские комбинаты, плотины сибирских рек,

атомные города казахстанских степей, побывавший на своих первых войнах, крестился в скромном смоленском селе Тёсове, заворожённый громадой Новоерусалимского монастыря, его разорёнными стенами и куполами, из которых смотрело на меня ночное звёздное небо, будто всевидящее око Господне, что видело меня, знало обо мне всё, сулило мне бесконечное счастье. Клокотавшая вокруг меня советская жизнь имела божественное наполнение.

Победа сорок пятого года — явление грандиозное, непомерное, космическое, неисчерпаемое своими смыслами, своими последствиями для судеб России. Быть может, вся "красная эра", само создание коммунистического Советского Союза случилось для того, чтобы в сорок пятом году была одержана эта Победа. Жестокый централизм, превращение страны в грандиозную трудовую артель, великие стройки, создание технической цивилизации; новейшие социальные, военные, научные технологии рождали готовые к войне поколения, готовили встречу со смертью миллионов людей, их гибель за возвышенную мечту.

Множество подвигов, упований, молитв, надгробных рыданий, вспыхев огненной веры, чудесных явлений. Всё это — грандиозное, неисчерпаемое богатство, имя которому Победа. К победе стремились чекисты и раскулаченные крестьяне, интеллигентные антисоветчики и племя молодых энтузиастов. Победу добывали зски на золотonosных колымских рудниках и Шостакович, игравший в осаждённом Ленинграде свою великую симфонию. Победу добывали священномученики, с небес молвившиеся за воюющее красное воинство.

В Нижнем Тагиле у великого "Уралвагонзавода", строящего танки, воздвигнут храм Дмитрия Донского. Там есть удивительная фреска. На ней армادا стреляющих советских танков и влекущий их в

ми криками "Ура!" неслись солдаты с мосинскими винтовками наперевес.

В Сталинграде в страшных крошечных боях на защиту города были брошены все силы Советского государства, но этих сил не хватало. И когда 6-я армия Паулюса сжимала кольцо, и Сталинград готов был пасть, с неба на землю спустился Иисус. Состоялось Второе Пришествие. Но не в Новом Иерусалиме, где предсказывал его патриарх Никон, а здесь, у Волги, на Сталинградской земле. Спаситель подымал в атаку изнурённых красноармейцев и сам, с окровавленным бинтом на голове, подняв ТТ, мчался на врага. Он сидел за рычагами танков и вёл боевые машины на прорыв. Он сидел за штурвалами краснозвёздных самолётов и направлял их на воздушные тараны.

"Отягчённый трёхлинейкой, / Всю тебя, земля родная, / Бог в солдатской телогрейке / Исходил, благословляя".

Я верю, что моему отцу после атаки под хутором Бабуркин в ночь перед Рождеством, на снежном выжженном поле, усеянном погибшими красноармейцами, Господь Бог закрывал глаза. И мой отец перед смертью видел склонённого над ним Бога. Река Волга, красная от крови, где Спаситель омывал свои кровавые раны, стала русским Иорданом.

Победа внесла в атеистический коммунизм божественное содержание. Господь из Небесного царства спустился в Царство земное и внёс в него райские сущности, внёс бессмертие.

Коммунизм замышлялся, как Царствие Небесное, низведённое с небес на землю. Коммунисты верили, что идеальное бытие, совершенное государство может быть построено здесь, на земле, по эту, а не по ту сторону смерти. Чтобы попасть в это царство совершенства, человеку не нужно умирать, он может войти в это царство прежде смерти. Эти суждения казались смехотворными. Но случилась Победа, и коммуни-

стический идеал стал религиозным. Он, как и Царствие Небесное, таит в себе бессмертие. Люди становятся бессмертными до того, как пройдут через смерть. Им не нужно попираТЬ "смертию смерть". Они знают, как достичь бессмертия при жизни. Коммунисты нащупывали в своём учении признаки христианства.

"Моральный кодекс строителя коммунизма" был написан уже после того, как коммунистическая идея умерла. Он являлся упрощённой копией евангельских заповедей, и он учит, каким должен стать человек, чтобы достичь рая земного. Подвергнутый осмеянию "социалистический реализм" учит, какой должна стать советская литература, это Евангелие, ведущее человека в рай земного. Возрождение сталинизма, появление во многих российских губерниях и национальных республиках памятников Сталину, появление сталинцов, которым от роду двадцать лет, — свидетельство того, что Сталин для нынешнего поколения не музейный экспонат, не историческая фигура, не экзотический крашный цезарь. Он — мистический победитель, носитель глубоких, созвучных человеческому сознанию смыслов, утрата которых после крушения Советского Союза воспринимается как потеря и пустота. "Вопросы сталинизма", когда они будут написаны, откроют нам, как, в каких социальных, военных, промышленных технологиях времён СССР была сокрыта идея бессмертия.

КАЛУГА — таинственная русская земля. Здесь одновременно появлялась удивительная когорта русских мистиков и религиозных философов, именуемых "космистами". Чижевский, Николай Фёдоров, Циолковский. Все они жили в одно время и в одном месте. Все остро чувствовали земную жизнь как жизнь космическую. Чувствовали дыхание Космоса, дыхание неба, дыхание таинственных небесных сил, формирующих земную жизнь и, быть может, её сотворивших. Православное сознание этих русских людей объясняло воздействие Космоса на Землю как воздействие божественное, проявление Бога. Космос для Циолковского был не просто скоплением светил и планет. Циолковский был убеждён, что в Космосе существует пространство, где нет смерти, где возможно идеальное бытие, и люди, прилетая с Земли в это пространство на космических аппаратах, становятся бессмертными. Ракеты Циолковского с их первой и второй космическими скоростями были ковчегами, которыми земное человечество переносится в царство бессмертия.

Николай Фёдоров считал, что наступил времена, когда человек достигнет своего совершенства, избавится от тьмы, от пороков, от грехов и станет прозрачным для света, станет солнечным человеком. Он обратится к самым современным научным достижениям физики, биологии, медицины, электротехники и станет бессмертным. Фёдоров верил в воскресение, наступающее до окончания века, продлевающее этот век в бесконечность. Усилиями совершенного человека, оснащённого новейшими науками, возможно воскресение из мёртвых. И тогда дети, став совершенными, воскресят своих грешных отцов. И зашевелиятся могилы, из них восстанут кости, обלאченные плотью, и воскресённые отцы обнимутся с воскресившими их детьми.

Но воскреснут не одни только люди. Воскреснут все убитые на бойных коровы, все застреленные олени и лоси, все уловленные рыбы, все погубленные, срубленные леса. Воздвигнутся все исчезнувшие горы. И это воскресение наполнит Землю обилием жизни, которых крохотная Земля не в силах принять. И тогда на помощь придут ковчеги Циолковского, его космические ракеты, рассевающие воскресённых людей, воскресённых коней и коров, убитых оленей, изрубленные леса. И эта воскресённая жизнь разнесётся ракетами по другим мирам и планетам.

Моё знакомство с учением Николая Фёдорова произошло не в библиотеках, не в залах и аудиториях, где звучат лекции "фёдоровцев". Я учился в 204-й школе, построенной на месте Всекорбашенского монастыря с его обширным погостом. Мы сажали на школьном дворе сад, копали лунки под саженцы, натыкаясь на могилы и склепы, где истребляли старинные вицмундиры с медными, покрытыми патиной пуговицами. Из могилы выкатился череп, полный земли, и мы, пионеры, в своём неведении и коунстве стали играть этим черепом в футбол. Моя стопа была в этот череп, в его глянзицы, полные земли. Позднее я узнал, что Николай Фёдоров был похоронен на этом монастырском кладбище, там, где мы сажали сад. И я уверен, что череп, который я играл в футбол, пинал своей дерзкой ногой, был черепом Николая Фёдорова. Так он сам преподал мне своё учение. И я представляю, как воскресённый Николай Фёдоров предстаёт передо мной и не бранит, не корит, не срамит меня, а терпеливо растолковывает те места в своём учении, что остались для меня неясными.

Все идущие "Бессмертным полком" люди, несущие над своими головами портреты усопших отцов и дедов, — это "фёдоровцы", исповедники его учения.

В Калуге, в этой обители русских космистов, расположены Оптина пустынь и город Обнинск. Оптина пустынь с её старцами, скитами, паломниками — это место, где рождается солнечный, одолеваяющий тьму совершенный человек. В Обнинске сосредоточены все новейшие науки — физика, химия, биология, медицина. Оптина пустынь и Обнинск — два полюса, которые медленно и неуклонно сближаются, и их встреча подтвердит учение Фёдорова.

Мы живём среди теней прошлого, ищем тех, кто отбрасывает эти тени. Мы стремимся

которую я целовал, в которой воскрес мой отец.

"Февраль. Достать чернил и плакаты! / Писать о феврале навзрыд, / Пока грохочущая слякоть / Весною чёрною горит".

По пути из Москвы в мой любимый Псков, у Ржева, при дороге высятся чудесный памятник на месте жутких боёв подо Ржевом. Русский солдат-пехотинец опустил к земле ствол автомата, понулри голову и стоит не на земле, а парит в воздухе, поднятый ввысь стаей журавлей, тех, о которых чудесный поэт Расул Гамзатов написал стих — о душах умерших солдат, превратившихся в журавлей. Теперь один из этих журавлей вновь превратился в солдата. И случилось его воскресение. Мы живём среди бесчисленных несостоявшихся воскресений. Но одно из них непременно состоится.

ПУТИН ПЕРЕНЁС идею Победы из советского в постсоветское, путинское время. Он перенёс Победу как смысл, который наполнял новое государство — разрозненное, окскуплённое, возникающее из кровавого пепла.

Победа, как магнит, притягивала к себе осколки великого советского царства. Она наполняла смыслом бессмыслицу разорённых пространств и рассечённых времён. Перенёса Победу из "красных", советских, времён в новое Государство Российское, Путин совершил гигантское метафизическое деяние. Непомерным усилием он соединил распolzзавшиеся материи, преодолел чудовищность для каждого народа катастрофу. "Распалась связь времён", — говорил Гамлет, разума под этим грандиозною трагедией. Путин сочелал времена, преодолел разрыв времён. Советская эра больше не выглядела как чёрная яма, отделяющая новую Россию от прежних исторических эпох.

вывести их из мира теней и вернуть к солнцу. Предаясь воспоминаниям, мы совершаем таинство воскресения. Мы живём среди несостоявшихся воскресений. Во сне нам является усопший драгоценный для нас человек. Он жив, не умер. Мы обнимаем, целуем его, чувствуем его тепло, слышим его голос, ликуем. Боже, какое счастье! Он не умер, он жив! И вдруг понимаем, что нет, он не воскрес, он мёртв, он только привиделся. И он исчезает из нашего сна. Мы любим его, теряем и рыдаем во сне. Воскрешение не состоялось. Мы живём среди несостоявшихся воскресений.

Дети из Сургута приезжают на Бородинское поле. Они ходят среди цветов, склоняются к колокольчикам, ромашкам, душистым горошкам. Каждый цветок — погибший на Бородинском поле пехотинец, grenадер, кавалергард, смертельно раненный Багратион, смертельно раненный князь Андрей Болконский.

Дети наклоняются к цветам, целуют их. Так в сказках волшебными поцелуями поднимали из хрустальных гробов умерших царевен. Из каждого цветка, оживлённого поцелуем ребёнка, встаёт воскресший русский воин. Дети уносят с поля цветы, и в каждом цветке — герои. Дети несут портреты героев. Это их "Бессмертный полк". Они увозят сорванные цветы в Сургут, делают из них чудный гербарий, помещают цветы под стекло, в дорожную золочёную раму. Эта икона, сотканная из бородинских цветов, — чудотворная икона русского воскресения. И теперь под Сургутом на лесных опушках, на берегу Оби есть Бородинское поле. Дети совершили таинство переселения душ, перенесения пространств, воскресения времён.

Я пришёл в сталинградскую жаркую степь, в то место, где когда-то был хутор Бабуркин и где в ночь перед Рождеством во время ночной атаки погиб мой отец. Степь жаркая, горячая. Ни травинки, ни цветка. Русло высохшей речки, остатки фундамента, рывтины, бывшие окопами. Я глядел в эту горячую степь, где когда-то поднимался батальон и шёл в свой смертельный бой отец. Я достал бутылку, наполнил гранёный стакан и выпил, чувствуя, как водка жарко хлынула в кровь. И всё вокруг затуманилось, поплыло, наполнилось стеклянными миражами. Я налил второй стакан, поставил на землю, накрыл его ломтём хлеба и, глядя в душную степь, стал звать к отцу. Я стал ему читать стихи Пастернака, которые он любил и которые сохранились в предвоенной книжечке из домашней библиотеки.

"Был утренник. Сводило челюсти, / И шелест листьев был как бред, / Синее оперенье селезня, / Сверкал за Камою рассвет". "Страны не знали в Петербурге / И, злясь, как на сноху свекровь, / Жалели сына в глупой бурке / За чёртову его любовь". "На даче спят. В саду, до пят / Подветренным, клепат похмотья". / Как флот в трёхъярусном полёте, / Деревьев паруса кипят". "Как в пулю сажал ю вторую пулю / Или быют на пари по свечке, / Так этот раскат берегов и улий / Петром разряжён без осечки". "Как бронзовой золй жаровень, / Жуками сыплет сонный сад, / Со мной, с моей сноею вровень / Миры расцветшие висят".

Отец слушал мои стихи, был благодарен мне, послал из раскалённой степи свой отцовский поцелуй. Я нашёл на земле чёрный корявый осколок. Быть может, этот осколок был убит мой отец. Я взял его с собой в Москву и положил перед портьетом отца. И мне показалось, что отец узнал этот страшный осколок. Портрет затрепетал, задрожал. На лице отца была страшная мука. Я убрал от портрета этот жуткий осколок, отнёс мастеру. Мастер очистил его от ржавчины, срезал с осколка ядовитые зубы, омыл волшебным раствором, тонкими инструментами ювелира нанёс на осколок чеканку — лик Богородицы. Чёрный корявый осколок, помнящий войну и убийства, превратился в серебряный слиток с ликом Богородицы, в дивную икону,

Во время перестройки и в девяностые годы было истреблено всё советское. Государственная и партийная структуры, армия и госбезопасность, советские подвижники и герои, советская литература, сам тип советского человека, все коды, на которых зиждилось советское государство. И оно рассыпалось после того, как эти коды были уничтожены. Сохранилась только Победа. Её оскверняли, топтали, сжигали, нососили, но она, как религиозная святыня, сохранилась. Победа поносима не бывает.

Как раненый командир разгромленного полка обматывает свою простреленную грудь полковым знаменем, спасая его от плена, пробивается к своим, разворачивает это окровавленное знамя, и под ним собирается новый полк и вновь идёт в наступление, так Путин перенёс опалённое, простреленное, изрезанное красное знамя Победы в новую Россию. Как раненый телефонист на поле боя сжимает зубами разорубленный осколком телефонный кабель, поддерживая связь между полками, так Путин соединил обрывки исторического времени, связал их воедино. Это гигантский метафизический и религиозный подвиг, делающий новое русское время "путинским временем".

Победа, перенесённая из советского в нынешнее время, была уже не просто военной, политической или идейной победой. Она была религиозной, она была райской, она была воскресительной.

После страшного поражения в девяносто первом году, когда исчезло государство, исчез народ и возникла чёрная дыра истории, Россия воскресла из смерти, поднялась из гроба, как восстал из гроба Спаситель. Пасхальная Победа объясняет русское восхождение от великих потрясений к величию как пасхальное воскресение. Сегодняшнее русское время с его слезами, кровью, мучениями, с его обвалами и потрясениями есть пасхальное русское время. Оно возводило Россию из гроба забвения в небеса, "где жизнь бесконечна".

Путин — человек с мистическим опытом. Его появление в русской истории таинственно, как сама русская история. Его появление в политике не объяснитс стечением обстоятельств, сговором элит, выборными технологиями. Его сотворила русская история, искавшая себе олицетворение, искавшая того, в кого она могла бы воплестись, чьими человеческими руками она могла бы сотворить сверхчеловеческое деяние — воскресение народа и его государства.

Появление Путина в политике было связано с русским воскресением. Появление Путина на свет Божий было связано с воскресением, ибо он родился от матери, которую посетило чудо воскресения. Когда отец Путина вернулся с фронта в блокадный Ленинград и вошёл во двор своего дома, то увидел, как из подвёздок выносят покойников, умерших от холода и голода. Среди этих тел он увидел свою жену, которую везли в морг. Он отнял жену у похоронной команды, вернул её в квартиру и отогрел, отмолил, исцелил — воскресил из мёртвых. В этом была таинственная воля небес, ленинградских свинцовых, низких, в которых летали "Юнкерсы", свистели снаряды фашистских пушек. Оно, это хмурое ленинградское небо, было извечным русским небом, небом русского воскресения.

Путин любит встречать Пасху, Рождество не в пышных московских церквях, а в отдалённых монастырях и приходах, где ведёт тихие беседы со старцами. Говорят, когда Путин приехал в Псково-Печерский монастырь и беседовал в келье со старцем Иоанном Крестянянским, тот после встречи плакал. Это были промыслительные слёзы. Ибо он угадал в исповеди Путина присутствие неба. Все крупные, известные

